

О воспитании

Людвиг ГУРЛИТТ

С 1998 г. редакция журнала «НО» ведёт рубрику «Педагогическая академия». Её материалы знакомят читателей с научной, природосообразной педагогикой, с самыми значимыми открытиями в области педагогики и смежных с ней науках. Публикации «Педагогической академии» в таких выпусках «НО»:

1998, № 4, 6, 7; 1999, № 1–2, 9–10; 2000, № 3, 8; 2001, № 1, 2, 4, 6.

Начало работы Людвиг Гурлитта «О воспитании» — в предыдущем выпуске. Сегодня продолжаем тему.

Глава III. Происхождение господствующих систем воспитания

Вся внутренняя сущность наших систем воспитания станет нам тогда понятна, когда мы проследим весь ход их развития. С тех пор как немцы стали христианами, церковно-христианский дух захватил и овладел всем нашим воспитанием. Великое реформаторское движение, вызванное Лютером, создало также только церковно-народную школу, в которой, правда, религиозные верования подверглись изменению, но школа продолжала по-прежнему быть только органом, хотя и реформированной церкви. Главнейшей целью Лютера было создать евангелические школы и в них так поставить преподавание религии, чтобы дети десятилетнего возраста не только знали главные основы веры, но и были бы знакомы с Библией и катехизисом. Всё же остальное, что преподавалось в школе, должно было содействовать и служить этой главной цели. Чтение должно было способствовать пониманию и изучению Библии, пение — дать возможность участвовать в церковном хоре и дома петь псалмы и религиозные песни. И до сего дня наша народная школа, с ведома и по воле наших правителей, осталась церковной школой. Это доказывает расписание уроков, церковная инспекция школ и те слова, которые при каждом удобном случае повторяют прусские министры народного просвещения, а именно: «Прусские школы должны во что бы то ни стало сохранять своё христианское направление». В наше время этот церковный дух, на котором основаны наши современные воспитательные методы, не удовлетворяет нас больше, потому что немецкий народ перестал быть христианским народом. Изучение естественных наук, многочисленные представители науки, а главное народные массы, в которые проник естественнонаучный дух, отклоняются от такого воспитательного метода, который в своём основании, в своих целях противоречит их убеждениям и не отвечает их потребностям. Сами школы страдают от подобной непримиримой двойственности. Они не могут не признавать успехов и развития естественных наук, не могут не преподавать их, но вместе с тем желают сохранить христианский дух и верования старых церковных школ. И таким образом наши школы являются как бы проповедниками двух совершенно противоположных мировоззрений. Весь вред от такого положения вещей отражается на юношестве, лишённом по вине школы всякой внутренней поддержки и обманутом в своих воззрениях на жизнь. Педагогика, желающая, чтобы её в наши дни признавали и уважали, должна или искусственно поддерживать живым дух церковных верований, от которых она уже внутренне отеклась, — тогда это будет, так сказать, педагогика историческая, не имеющая для нас, а главное для прогресса, никакого значения; или же она должна освободиться от всех традиций и ввести в систему «модернизм», иными словами — нашу современную умственную жизнь. Борьба против «модернизма» есть в то же время борьба против науки, против прогресса и против нашей современной жизни. Существует ещё третий род педагогики, к которому прибегают желающие избежать всякой борьбы, — это так называемая педагогика компромиссов, но при этой педагогической системе надо заранее отказаться от каких бы то ни было ясных, определённых целей. Как нельзя со-

единить несоединимое или примирить непримиримое, так же точно нельзя примирить современное знание со старым церковным верованием, и всё, что предпринималось в этом направлении, было и есть не что иное, как плачевные попытки стусевать слишком резкие противоречия и водворить мир между огнём и водой. Понятно, что и этим родом педагогики можно достигнуть относительно желаемого, и достигают. Но игра не стоит свеч, так как результат не оправдывает затраченных усилий. Воспитанные в этом духе люди — а это большинство наших современников и современниц — лишены всякой внутренней свободы, устойчивости, силы воли и твёрдости, в которых они нуждаются для умственного роста их личности и для того, чтобы сделаться полезными членами государства. Это ведь не простая игра случая, что в Пруссии ощущается недостаток в самостоятельных и выдающихся личностях, что самые важные культурные задачи не находят деятельных исполнителей и необходимой активной поддержки. Силы, быть может, и вредные, находятся только — и это очень понятно и знаменательно — в массах и особенно в тех политических партиях, которые принадлежат к крайнему лагерю — у представителей центра и у социал-демократов. Лучшим доказательством того, что влиянию церкви на воспитание приходит конец, служит та тревога, та озабоченность, которые повсеместно овладели духовенством. Рознь и распад так велики во всём христианском лагере, что только благодаря деспотической власти папы в католических государствах и подобному же деспотизму протестантских церковных властей всё ещё сохраняется иллюзия единства и господства. Царству фарисеев наступает конец. Наши педагоги, в особенности учителя народных школ, сами уже восстают и не хотят больше переносить церковное иго, ставшее им чуждым и признанное ими недостойным. Их уже не удовлетворяет та роль, которую они исполняли по обязанности, а именно — воплощать собой церковный дух и против своих убеждений внедрять его в новые поколения. Они требуют новой школьной инспекции, значит, не церковной, как это было до сих пор, и желают, чтобы инспекторами назначались люди, которые приобрели педагогический опыт, служа школьному делу, а не церкви.

Так как царству фарисеев приходит конец, то подобная же участь грозит и царству книжников, т.е. книжных учёных. Если мы посмотрим, так сказать, в корень систематической педагогики, то нам станет вполне ясно, как она развилась и как она в конце концов дошла до полнейшей бесплодности. Педагогика книжников, как мы её называем, есть продукт абстрактной философии, а не продукт практики и наблюдения природы. Вся наша педагогическая литература, если она не плод церковного писательства, исходит из следующей идеи: она умственно строит себе нормального человека, чтобы затем нормальными средствами преобразовать его в идеального человека. Она предполагает во всех людях однородную, общую для всех, душу, несмотря на то что, умудрённая наблюдениями, она постоянно толкует о несходстве и различии людей. И в то же время мнит, что она душу, общечеловеческую душу прекрасно и точно знает, так точно, что могла бы её разложить, как какой-нибудь анатомический препарат. Она также предполагает, что ей известны такие средства, которыми она может влиять на человеческий ум и руководить им, и думает, что при одинаковом обращении с совершенно разнородными человеческими умами и натурами возможно, по крайней мере, получить известные и одинаковые комплексы умственных и моральных действий. Эта систематическая педагогика существует, в сущности, только на бумаге. Как только хотят её применить на практике, она оказывается несостоятельной. Она слишком теоретична, слишком много оперирует с готовыми отвлечёнными понятиями и с такими техническими выражениями и понятиями, которые ещё не проверены серьёзными психологическими наблюдениями.

Здесь не место подробно доказывать вышесказанное. Достаточно констатировать тот факт, что академическая и семинарская школьная педагогика почти до наших дней не интересовалась и не заботилась о связи и взаимодействии тела и духа. Она так же, как и церковь, признавала дух чем-то абсолютным и стоило немало труда и борьбы, пока, наконец, удалось добиться врачу свободного доступа в школу. Этим произнесён приговор всей старой педагогике. Она требовала одинаковых умственных и моральных усилий от слабых детей, как и от

здоровых, требовала вообще слишком многого и ложного от тех и от других. Она совсем не знала природы ребёнка и всё же хотела руководить им и развивать его. Даже в наши дни известные психологи признают, что детская психология все ещё находится в пелёнках. Старая академическая педагогика признавала за грех и карала точно так же, как и церковь, все слабости детской природы, и, подобно церкви, установила целый список детских преступлений и прегрешений, как-то: упрямство, непослушание, лень, упорство, рассеянность, невнимание и т.д. Она считала своей главной задачей найти действительные исправительные меры против этих мнимых заблуждений. Ничто не может быть страннее, как применять общие карательные меры против, скажем, например, рассеянности, потому что рассеянность есть выражение нервной слабости или же избыток интереса и в обоих случаях нуждается в научном наблюдении и изучении, а в первом случае и в медицинской помощи, но ни в каком случае не в наказании, которым тут ничего не достигнешь. Ни одному здравому человеку не придёт в голову побоями побеждать физическую слабость. Умственную усталость и её последствия наказывали и теперь наказывают розгой в тех школах, где все ещё господствует старый церковный дух. В школах, которые мы посетили, ничего не знали, да и не хотели знать о нервно-малокровии и золотушности детей. Там только делили детей на прилежных, послушных и хороших учеников и на ленивых, невнимательных и плохих учеников. Весь учебный план, всё расписание уроков во всех школах так составлены, что только самые физически здоровые и сильные дети могут без ущерба для своего здоровья выполнить то, что от них требуется. Сами учителя признают, что ученики только ленью, хитростью и рассеянностью защищают свой организм от переутомления физического и умственного. Все эти школы и, к сожалению, всё домашнее воспитание, их поддерживающее, не что иное, как продукт отжившей и наукой опровергнутой теории.

Таким образом, вся господствующая школьная практика такая же шаткая и неправильная, как та ботаника, которая была построена на системе Линнея. При культивировке растений, дрессировке собак и лошадей — давно уже отказались от всех туманно теоретических построений и вступили на твёрдую почву практических наблюдений и практической деятельности. Но теоретики считали себя как бы санкционированными теми традициями и преданиями, которые перешли к ним путём наследия от когда-то столь прославленных греков... Мы знаем, до чего трудно освободиться современным культурным народам от влияния прежних культурных народов. Под влиянием иллюзии, что всё, что было когда-то достигнуто культурными народами путём прогресса, достойно продолжать жить во все времена и влиять на все эпохи, всё воспитание юношества, отделавшееся от влияния церкви, попало в зависимость к книжным учёным. А те предпочитают прибегать за советами к Платону, Аристотелю, к средневековым схоластическим авторам и к какому угодно старинному автору, чем путём практических наблюдений изучать на детях детскую природу. Самые простые и естественные мысли приходят людям в голову напоследок. Мысль, что для правильного воспитания лучше всего пользоваться своими собственными наблюдениями над живыми детьми, до такой степени проста, что мы к ней только теперь пришли и, так сказать, её впервые открыли. Ребёнок был только воспитательным объектом, во всём существенном безвольный, и во всяком случае он не должен был иметь собственную волю, а должен был расти и развиваться согласно желанию взрослых, по искусственным и заранее предначертанным законам тех же взрослых. Все грандиозные попытки Гербарта развивать и поощрять детское мышление подобны колоссальным насосам, которыми хотят поднять из почти недостижимой глубины воду на поверхность земли, тогда как гораздо проще и удобнее было бы дать самостоятельно бегущим ручьям и ручейкам расти, увеличиваться, наконец, соединиться и превратиться в один сильный и могучий поток. В этой философской педагогике затрачивается слишком много сил, делаются слишком большие усилия, чтобы создать такие вещи и понятия, которые развились бы и без участия воспитателя. Но, по мнению этой педагогики, всё должно было быть предоставлено воспитателю, всё должно было быть работой воспитателя. Ребёнок, подобно необработанной мраморной глыбе, сдавался на руки художнику для того, чтобы под его искусными руками превратиться в прекрасное произведение искусства. Не было и помина о

каком бы то ни было уважении к природе и в особенности к детской природе. Задавались высокой, почти недостижимой целью — идеалом и вменяли детям в обязанность дорости до него. И воспитание постепенно преобразовалось в какое-то сплошное насилие. Физическое развитие предоставили ребёнку — тут в этой области не считали действительной и возможной какую бы то ни было насильственную меру. Совсем иначе обстояло дело с умственным и моральным развитием — тут создавали нормальные требования, предполагая, конечно, и нормальные силы, постановляли обязанности, посредством которых умственное и моральное развитие ускорялось, т.е. должно было идти вынужденным и заранее преднамеренным скорым темпом. Вся эта педагогика и все эти воспитательные приёмы не основывались на собранных наблюдениях над живыми существами и на приобретённом таким образом опыте — это были просто умственные построения, заранее преднамеренные и заранее обусловленные требования и цели, поставленные зрелыми людьми, которые считали себя совершенствами и полагали, что обладают неопровержимыми истинами, восприятие которых и согласование с которыми было, по их мнению, прямою обязанностью юношества.

Но этими воспитательными приёмами достигают совершенно противоположного. Этот искусственно ускоренный темп развития только задерживает естественный рост «природных способностей воспитанника, потому что развитие идёт тогда, не сообразуясь с враждебными силами, по ложному пути и заставляет природу избирать окольную дорогу для своих проявлений или же отречься от себя самой. Это больше всего отражается на способных, богато одарённых детях, — вся их сила, вся их энергия растрачиваются в борьбе с сильными страстями и склонностями. Побудить и сломить волю воспитанника, обезличить его и подчинить всем требованиям школьной схемы — вот что считалось и признавалось величайшим триумфом педагога. Но при том забывали и упускали из виду, что человек растёт сам по себе, как и каждое растение, и что он, бессознательно подчиняясь естественному побуждению, развивается умственно и морально, и что дух растёт одновременно с телом, так как он неразрывно связан с телом и есть только его орган.

Подобно церкви философия была убеждена, что обладает вечными истинами и что жизнь должна развиваться, сообразуясь с этими истинами. Но таким образом в развитии человечества должен был бы неминуемо наступить застой, потому что раз истина найдена, умирает то побуждение, которому мы обязаны всем нашим прогрессом — побуждение к познанию и главный его двигатель — сомнение. Но наше, государством признанное и одобряемое, воспитание всё ещё продолжает вменять педагогу в обязанность заслушать и искоренять зарождающееся в умах воспитанников сомнение. Я сам был свидетелем того, как при открытии реальной гимназии господин тайный советник Генц закончил свою торжественную речь словами: «А главное, многоуважаемые коллеги, умеете уберечь души молодёжи от сомнения».

Я осмелился публично критиковать эти слова, и это, по моему глубокому убеждению, главная причина, почему моё дальнейшее пребывание на службе стало нежелательным Министерству народного просвещения.

Против подобного авторитетного духа, ставящего границы образовательному развитию молодёжи, и который даже в специальных школах естественных наук возводится в догмат, — против такого духа должна восстать единодушно и единогласно вся новейшая педагогика. Нам безразлично, есть ли этот дух — церковно-религиозный предрассудок, или академическая философская нетерпимость, или то и другое, так как от этого несколько не меняется самое существование, т.е. тот вред, который он приносит.

Тот, кто, сообразуясь с современным положением естественнонаучных знаний, захочет создать новую педагогику, тот должен в ней ясно и определённо высказать, что человеческая жизнь во вселенной и как часть вселенной участвует в общем движении развития и не должна быть нигде и ничем задерживаема. Догматы же должны быть принципиально изъяты из воспитания. Нет «последних», уже найденных истин, нет их даже у монистов и атеистов. Дети прежде всего должны и будут повиноваться авторитету своих воспитателей. Дети, подобно цветку, повернутся к солнцу, от которого получают свет, тепло и пища. Нам совсем не

нужно пытаться приобрести искусственными приёмами их уважение, не нужно изображать собой каких-то стражей неприкосновенных вечных истин — если мы приносим пользу детям и просто даём им понять наши честные, хорошие намерения быть им полезными на их жизненном пути, то мы приобретём и желаемый авторитет. Это так ясно, что нечего и говорить об этом. Но следует здесь ещё упомянуть об авторитетно насаждаемом поклонении старине и всякой традиции. Это также насилие и также задерживает самостоятельное развитие потомства. Найдёт ли какой-нибудь взрослый немец военную историю Цезаря достойной уважения, поучительной и полезной — это его личное дело. Но совсем несправедливо требовать от четырнадцатилетних детей обязательного уважения к этому литературному произведению. Между тем в этой области, как и в сотнях других, господствующая педагогика навязчива и не стесняется прибегать к насилию. Причина этого всё одна и та же, а именно, что педагогика исходит из заранее подготовленных, предвзятых воспитательных мнений и воспитательных систем, а не руководствуется наблюдениями над живыми детьми и их потребностями. Тут мы дошли в нашей статье до решительного пункта. Теперь каждый читатель должен внутренне спросить себя, есть ли он приверженец старой педагогики или же он вместе с нами её принципиально отвергает. И при этом он должен понять, что дело тут идёт не об одних только учителях и школах, но и о родителях и домашнем воспитании. Потому что, несмотря на частые в единичных случаях разногласия между родителями и школой, общий дух воспитания в главном один и тот же. В тайниках родительских душ продолжает прочно сидеть уважение к государственным школам, и они всё ещё полагают, что приносят детям большую пользу тем, что заставляют их покорно признавать и подчиняться всем повелениям школы. Они изредка порицают какое-нибудь из ряда выходящее превышение власти учителя или особенно выдающиеся недостатки школьной системы, но немецкая школа как общественное учреждение для них священна и по отношению к ней они чувствуют себя бессильными. Да они бы и не сумели сказать, как и в чём следовало бы изменить школьный дух и воспитательный метод.

Традиция всё ещё так сильна, и каждый провёл столько лет под гнётом этой традиции, что современным немцам жизнь при других условиях и при ином воспитательном направлении кажется просто какой-то невозможностью. Напрасно им проповедовать и неустанно повторять, что высшая культура греков развилась без государственной школы и только поэтому и достигла такого расцвета, что государство не смотрело на образование как на какую-то государственную монополию. Немцы не могут себе представить возможность воспитания юношества без профессиональных воспитателей — без воспитательного чиновничества. Они, по-видимому, забыли или не знают, что высшая рыцарская культура средних веков, вся просветительная культура Ганды и вообще вся существовавшая в средние века немецкая бюргерская культура выросла свободно, самостоятельно, вне общественных групп и только развилась из практической деятельности и естественной общественной жизни, следовательно, и без профессионально-школьного сословия. Тогда и понятия не имели о какой бы то ни было систематической педагогике, и всё же в областях искусства, науке и социальной жизни выросло и развивалось множество разносторонне образованных, а главное разносторонне деятельных мужчин и женщин. Самое большое, быть может, несчастье, постигшее немецкий народ, — это то, что вся наша жизнь подпала под иго школьных педантов, и что, как я раз высказал, к вящему ужасу всех благомыслящих, весь наш немецкий народ и поныне до корня волос, до мозга костей «вышколивается» этими педантами. Вся наша жизнь от колыбели и до гробовой доски приведена в систему — мы должны жить, расти и действовать по указанию и расписанию, — и едва только появится какое-нибудь новое явление, как все наши систематики набрасываются на него, чтобы тотчас же зарегистрировать его и подчинить себе.

Розе ведь не читают лекций о том, как она должна цвести, — она проделывает это самостоятельно, собственными силами. Не следует и ребёнку внушать, какие у него должны быть религиозные чувства, не следует и для его религиозных потребностей вырабатывать какого бы то ни было научного плана и расписания, как не следует по хитро придуманным системам учить ребёнка говорить и смотреть. Все это происходит само собой, растёт само собой и развивается куда лучше, чем если бы стали вызывать это развитие искусственными мерами.

Но вся эта до ясности простая истина была долгие годы погребена под грудой теоретически научных трудов наших академических педагогических систематиков.

Самое важное открытие нашей эпохи — это открытие ребёнка. Спасти ребёнка от школьных учителей и школьных педантов — самое неотложное и самое важное дело. И главное — от школьных педантов дома и вне дома, так как дома с первых же дней рождения начинают «школить» детей. Матери, к сожалению, слишком часто посещают детские сады и увы, многие сдавали экзамен на учительниц. Они также заражены господствующей педагогикой и хотят на собственных детях доказать её пригодность, хотят собрать с возвращённого ими собственного деревца лучшие плоды этой педагогики. Велика была бы заслуга тех людей, которые в наши дни в виде эксперимента вырастили бы поколение детей, не прибегая к помощи каких бы то ни было профессиональных воспитателей. Все были бы поражены необычайной силой их умственного и морального развития и недоумевали бы, откуда это всё взялось и как это всё произошло. Я произвожу, для собственного убеждения в правоте вышесказанного, да и для убеждения других людей, подобные, но только частичные, опыты над моими собственными детьми. Я говорю «частичные», потому что государство будет от них требовать аттестатов и дипломов, которых я сам, к сожалению, не имею права им выдать. Но то, чего я достиг этими опытами, приводит меня, да и всех наблюдающих за этим, в изумление, и в то же время это является самой жестокой критикой всех прежних методов воспитания.

Глава IV. Что должна дать новая педагогика?

Лет десять тому назад все школы в Германии подверглись большим реформам, и с тех пор психологи стали властно предъявлять свои требования педагогике. И они совершенно правы, требуя, чтобы точное познание детской души легло в основание всех психических воздействий и влияний. Это познание должно оказывать ту же услугу педагогу, какую оказывает врачу анатомия. Мы не имеем больше права производить операций над неизвестным нам объектом, да притом же ещё непригодными инструментами и способами. Это — научная ошибка, вполне заслуживающая названия негуманности. Итак, тот, кто не изучит, путём собственных многолетних и основательных наблюдений, образ детского мышления, чувства, ощущения и рост детской души, тот и не может, и не должен быть воспитателем. И такими непригодными воспитателями является большинство немецких матерей и отцов. Но у них недостаток наблюдений возмещается любовью к своим детям. Эта любовь удерживает их от той строгости, которую проявляет, по отношению к воспитанникам, педагог, проникнутый сознанием своих служебных и профессиональных обязанностей и видящий в пренебрежении к детским особенностям, даже в их искоренении прямую и удовлетворяющую его обязанность. Естественный инстинкт матерей вернее всего подскажет им средства, которыми они могут всего успешнее и справедливее повлиять на своих детей. И лучше, если они поменьше слушают и следуют советам пасторов и учителей. Один лишь пример: мать, которой внушили, как божественную премудрость, варварскую воспитательную истину старого Иосифа Сираха, что сила родительской любви доказывается лучше всего крепкой розгой — лишена лучшего, что делает женщину пригодной к воспитанию детей. Ребёнка никогда не следует бить, потому что он не заслуживает побоев. Предполагаемые детские поступки и ошибки — только выражение его слабости и неопытности. Бить ребёнка за то, что он разбил стакан, — по меньшей мере глупо, и доказывает только бессмыслие и грубость матери. Откуда знать ребёнку, что стакан — бьющийся предмет? Почему он знает, что стакан представляет известную ценность? Перед тем мать ему не раз давала в руки камешки и только смеялась, когда он выбрасывал их из своей кровати. И ребёнок на опыте научился понимать, что брошенные предметы производят шум и что это очень весело. Вот он и дальше поступает так, как научил его опыт, и вдруг вместо весёлого одобрения — побои! Как может ребёнок видеть в этих побоях понуждение к добру? И к чему всё это приводит? К разрушению в детской душе чувства справедливости, любви, доверчивости и жизнерадостности.

Ребёнка воспитывать — значит вводить его в новый, неизвестный ему мир. Если нас,

взрослых, внезапно перенесут в Китай, то мы на каждом шагу учиним множество поступков, которые там признаются заслуживающими наказания, и когда мы беззаботно, ничего не подозревая, войдём в открытый храм, мы подвергнемся смерти. Мы сочтём подобное с нами обращение величайшей несправедливостью. Почему нас наказывают за поступки, в которых мы не чувствуем и не сознаём никакой преступности? Точно так же должен рассуждать подвергнутый наказанию ребёнок — будь он способен рассуждать. Но так как он не способен даже понять подобного обращения строгого воспитателя, то наказание приводит его в недоумение, вызывает страх и ожесточение.

Любящая мать, познавшая сущность природы своего ребёнка и верно понимающая всё его бессилие, застрахована от подобных промахов и ошибок. Но ей следовало бы быть настолько твёрдой и убеждённой в правоте своих наблюдений и своего опыта, чтобы отстаивать, поддерживать и защищать своего ребёнка от всех воспитательных теорий и школ. То, что современная академическая психология сообщает ей, как самый новейший научный вывод, не может её удивить, потому что он только подтверждает её собственные наблюдения. Что пользы нам, педагогам, в том, что десятью тысячами наблюдений и опытов будут научно установлены границы переутомления детей от умственного труда. Зевота, вялость, звук голоса, цвет лица и выражение лица скорее и лучше всяких учёных статистик скажут заботливой матери, что её ребёнок утомлён. Её может сбить с толку то, если она, придавая больше цены наблюдениям над чужими детьми, чем собственным и произведённым над её ребёнком, вновь поддастся искушению прибегать за советами к научной педагогике для применения их на практике. Вся наша современная школьная гигиена, а она была нам необходима, должна остерегаться, чтобы не повторить ошибки старой педагогики и не дать себя втиснуть в узкие рамки какой-нибудь воспитательной теории и тем самым превратиться в тиранизирующую силу. Весь, например, вопрос о скамьях для учеников, наделавший столько шума и вызвавший столько пререканий, есть не что иное, как жалкая паллиативная мера. Я всегда был того мнения, что самые лучшие скамьи для детей те, на которых им меньше всего приходится сидеть. Если слишком продолжительное сидение может нанести вред физическому здоровью, то не следует заводить новые или лучшие скамьи, а следует избегать слишком продолжительного сидения. Культура, полученная ценой физического калечения, ничего не стоит и куда вреднее некультурности. Нельзя считать целью жизни — уродливым подготовлением к ней — то, что делает непригодным к самой жизни. Всё наше воспитание, если оно выращивает нам столько физических калек, узкогрудных, близоруких, малокровных, нервных, а поэтому и безвольных и раздражённых людей, идёт по ложной дороге, и всё, что вынуждает её идти по этому пути ошибок, должно быть немедленно и с корнем вырвано из жизни народов.

Почему-то вкоренилось убеждение, что в наше время так называемому образованному человеку необходимы многочисленные и самые разнообразные познания, и что эти познания могут быть приобретены юношеством только ценой семи-восьмичасового сидения и труда. Когда же, наконец, станет ясно, что это убеждение просто теоретический произвол? Нужно только взять да выкинуть познания, которые почему-то в наши дни считаются необходимыми, и они просто перестанут для нас существовать. Задайте вопрос китайцу: что признаётся необходимым в Китае для образованного человека? И вы услышите, что там образованный человек должен до семидесятилетнего возраста ежегодно сдавать экзамен, для того чтобы изучить всю китайскую премудрость, и только тогда признают его вполне образованным человеком. И вот всё, что там признают необходимым, — для нас, европейцев, не имеет ни малейшего значения. Мы того мнения, что китайцы лучше бы сделали, закрой они все свои школы и высшие учебные заведения и разреши они своей молодёжи присмотреться и принять участие в жизни других народов. Для них не могло быть ничего лучшего, как если бы они позабыли о своих традициях и попробовали самостоятельно, собственными силами, зажить новой жизнью. В нас самих много этой самой китайщины и много приёмов и положений, родственных китайским, только мы этого не сознаём или не хотим сознать. Какое, например, дело нашим детям до религиозных распрей отцов церкви, продолжавшихся со II века по Р.Х. и до наших дней? Какое дело детям до всей древнегреческой политики и до истории развития

древнеримских республик. Прежде полагали, что человек не может считаться образованным, если он не достаточно знаком с греко-римской мифологией и древней лирической поэзией. В эпоху Шиллера вся поэзия заимствовала мысли и образы из *Метаморфозы* Овидия. А теперь, в наше время, кому дело до всех этих Дафин, Хлой, Фелиц и т.п. поэтических имен, даже лирическая поэзия, и та их позабыла. И теперь считается верхом безвкусыя говорить о боге солнца — златокудром Фебе, или упоминать при дожде Юпитера Плювия — только разве институтки в своих классных сочинениях да юмористические стихоплёты поминают их.

Новая педагогика должна прежде всего стараться не превратиться в то, что из неё хотят сделать и к чему она уже выказывает склонность, т.е. в систему. А во избежание этого новая педагогика должна исключительно основываться на наблюдениях над ребёнком и из этих наблюдений и точного познания ребёнка должна у неё явиться способность правильно и без насилия руководить детской природой и умение поставить ребёнка в здоровые жизненные условия. Итак, самое главное есть и будет правильное наблюдение над ребёнком. Полезно для этого познакомиться и изучить основы биологии. Необходимо знать, что есть сам по себе человек, и знать, что новорождённый ребёнок не есть новое начало, а венец бесконечного развития наследственных сил целого длинного ряда предков. Понимание его физических функций и наблюдение над взаимодействием тела и духа, постепенное пробуждение его самосознания, постепенное развитие его умственной жизни — всё это должен понять и изучить тот, кто действительно хочет влиять на развитие ребёнка.

Под словами «правильно руководить» обыкновенно подразумевают удовлетворение всех детских желаний, высказанных в вопросах и просьбах. Но тут, конечно, критика не упустит случая заметить нам, что воспитание и состоит в том, чтобы заменить волю ребёнка волей учителя. Несколькими словами не разрешить этого фундаментального спорного вопроса, и нам в этой книге не раз придётся с ним считаться. Это и есть последний вывод воспитания, в том-то и различие между старой и новой педагогикой, что первая продолжает непоколебимо стоять за авторитетный принцип, а последняя проповедует право ребёнка. Мы уже теперь должны защищаться против такой критики, которая преувеличениями доводит до абсурда очень разумную, по нашему мнению, мысль. Нам известны все возражения наших противников, и мы можем их уже вперёд перечислить: если ребёнок, сидя на руках у матери, пожелает выпрыгнуть из окна третьего этажа, то мать не должна препятствовать исполнению такого самостоятельного желания; если ребёнок пожелает дотронуться до огня, то отнюдь не следует противиться священной воле ребёнка. Ведь теперь должно родителей воспитывать, — дети же всегда, конечно, правы, и их воля закон.

Как живо представляю я себе этих оскорблённых блюстителей авторитета, которые не могут перенести той мысли, то им вдруг скажут, да ещё, чего доброго, в присутствии их собственных детей, что они не правы и что они далеко не могут служить образцами для всех. И мы не станем их щадить и докажем всю неосновательность их возражений.

Нет, ребёнку не следует позволить выпасть из окна, но будет весьма полезно допустить ребёнка на гладком полу несколько раз упасть. Все дети падают, и нет исключения из этого правила, но на этом, весьма для него чувствительном опыте познаёт он впервые закон притяжения. Ребёнок должен и палец обжечь — мы тоже всё это проделали и благополучно выросли. Он должен на опыте познать, что есть такие законы природы, против которых не пойдёшь и ничего не поделаешь. Животные прекрасно знают, как они должны жить и что такое жизнь, а между тем у них никогда не было гувернанток и они не посещали школ. Откуда же они всё знают и где научились этому? Они живут так разумно, что могли бы пристыдить взрослого человека. Они не пьют и не едят того, что может им повредить. Они не отравляются алкоголем и никотином, не умирают на свободе от ожирения сердца и ожорства. Неужели человек, если он не слишком искалечен искусственными воспитательными мерами, не обладает подобной же способностью самостоятельно пробиться в жизни и к жизни!

Итак, правильно руководить детьми — значит давать им возможность собирать и запасаться опытом. Мы им представляем эту возможность, когда допускаем их жить правильной общественной жизнью с людьми, а ещё лучше — с другими детьми. Они при этом учатся

также на опыте других, а главное научаются ставить свою полноправную единичную волю в правильные отношения к многочисленным и таким же полноправным единичным волям других. Это именно то, что мы называем воспитанием посредством жизни. Нам нечего опасаться, что в современной культурной жизни молодой человек не найдёт для своего развития достаточно поощрения, понуждения и побуждения, или что он, среди тесно сплочённого населения наших городов и деревень, может вырасти дикарём или хотя бы чудачком. Напротив, мы обязаны заботиться о том, чтобы молодое поколение не слишком пострадало от безжалостного гнёта совместной жизни и преобразованное массовыми инстинктами и массовыми волями не потонуло бы незаметно. Наше школьное воспитание чувствует тяготение к однообразной обмундировке всех, как и войско, и общество. Тем более обязано домашнее воспитание, к сожалению, очень склонное к тому же — бороться против этого безобразного массового обезличения, охранять своеобразный семейный дух, энергично сопротивляться натиску внешних обезличивающих сил.

Наша современная педагогика должна поддерживать силы воспитателя и научить его, какими средствами и способами он может пробудить и укрепить в детях самое важное в жизни, а именно веру в собственную врождённую природу и в развитие своих природных сил. Упрёк в радикальном индивидуализме звучит для нас не упреком, а похвалой. Потому что «радикальный» — значит, «основательный», а индивидуализм — значит «культ личности». Именно мы, немцы, ни в чём таком не нуждаемся в настоящее время, как в культе личности. Это должны были бы признать и быть нам благодарны те, кто до дрожи трусит перед демократией и считает себя аристократами крови и ума. Потому-то наша новейшая педагогика задалась целью способствовать свободному развитию всех умственных сил, ещё дремлющих в нашем народе, и всех личных качеств. А это значит — открыть человечеству путь к аристократизму, но вместе с тем это значит признавать необходимое, потому что оно естественное, сословное различие. Ибо природа не демократична: она создаёт самые разнообразные интеллекты и заботится о том, чтобы сын рудокопа стал, как основатель новой главы, выше царей и пап; чтобы из семьи пекаря вырос и развился аристократический дух Шиллера. Все должны понять и, главное, сознать, что сумма духовных сил нашего народа есть естественное богатство и куда больше стоит, чем весь денежный капитал и все материальные силы страны, и что плоха та национальная экономия, которая допускает, чтобы подобный капитал лежал мёртвым, или неуместным обращением обесценивает его. Таким образом, воспитание есть самый важный вопрос, самая важная задача не только для каждого индивидуума, которого воспитывают, но и для всего народа, а следовательно, для всего человечества. Там, где внедряется неправильное воспитание, страдают не только целые поколения детей, но страдает и вся культура, а с ней вместе и всё материальное положение целого народа. Поэтому нет ни одного человека, который не был бы заинтересован в вопросах воспитания, и нет никого, кто имел бы право не допустить кого бы то ни было к участию в воспитательной работе.

Самой крупной ошибкой прошлого века было то, что всё воспитание и вся ответственность за него переданы были в руки особо установленного для того начальства. Начальство никогда не может этого выполнить, потому что начальство никогда не делает культуры и никогда этим не занималось. Воспитательная задача слишком разносторонняя, слишком сложна, чтобы её можно было с одного только пункта обозреть, не говоря уже о невозможности с одной только точки зрения руководить ею.

Такую задачу, которая может быть удовлетворительно выполнена только при содействии всех народных сил и лучшая часть которой должна быть выполнена каждой отдельной семьёй, нельзя отдавать в чужие руки в надежде, что господа чиновники уж сумеют с ней справиться. Благодаря этому лестному доверию к высшему и наивысшему школьному начальству немецкий народ разучился принимать самостоятельное участие в воспитательной работе, т.е. в одной из важнейших жизненных задач. И это вряд ли поправимо. Единственный, быть может, возможный путь к этому — борьба с насильственно вооружёнными авторитетами, ясное и понятное всем доказательство их непригодности и ошибочности, а также неустанное пробуждение интереса в народе к вопросам, которые суть, в лучшем смысле этого слова, народные

вопросы и именно только народные. Одна из главных задач новейшей педагогики — действовать в этом именно смысле пояснительно и побудительно.